

Михаил Швыдкой

Лозанна — Москва

«**В**ЕЛИКО милосердие Господне, — говорил священник, завершая обряд отпевания в дни предпасхального поста в одной из московских церквей. — Господь смилостивился и простил Адаму и Еве их грех послушания дьяволу. Он простил им грех искушения в познании добра и зла уподобиться Отцу нашему и изгнал из Рая. Велико милосердие Господне — он отправил Адама и Еву на землю, где перемешались добро и зло и где в страдании и тяжком труде для продления жизни они должны были приблизиться к Господу нашему...»

«Велико милосердие...» «Безгранично милосердие...» Винни, героиня пьесы Сэмюэла Беккета, написанной в 1961 году, повторяет эти слова без пафоса и иронии, как нечто само собой разумеющееся, забывая, правда, назвать того, чье милосердие велико и безгранично. Забывая, то ли потому, что нельзя упоминать имя Господа всуе, то ли оттого, что никто из живущих под опустевшими в начале XX столетия небесами не помнит, чье это милосердие.

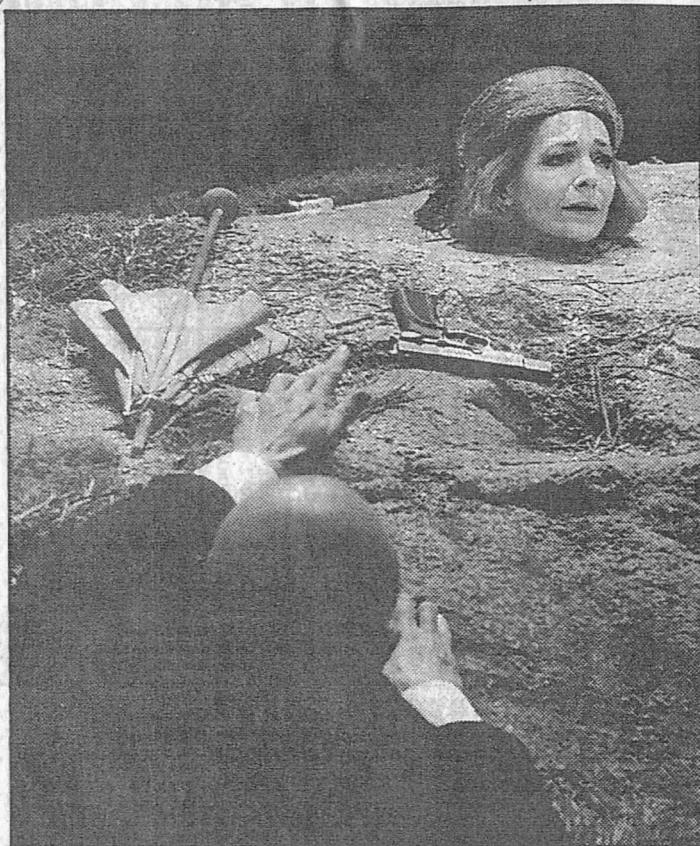
Принято считать, что эта пьеса Беккета, как и многие его другие сочинения, — о смерти, о неотвратимости старения и небытия. Уверен, что лишь ученическое толкование беккетовской драматургии, когда предлагаемые пытаются отыскать хоть какую-то логику в том, что на вид немолодая женщина в первом действии погружена по пояс в некую песчано-каменистую яму, а во втором — оказывается зарытой в нее по самую голову.

Увы, пьесы Беккета — не о смерти. Они — о жизни. О жизни в таких предлагаемых обстоятельствах, которые очень похожи на «другую сторону Луны», но тем не менее вполне родные, земные, не слишком приспособленные для обитания, но и недостаточные для того, чтобы жизнь прекратилась сразу при рождении. Велико милосердие.

Беккет не случайно не раз и не два говорил и писал о том, что на его творчество огромное впечатление произвел дублинский мюзик-холл, который он любил посещать в детстве и юности. В мюзик-холле принято извлекать комический эффект, доказывая возможность обжить любые — самые невероятные — предлагаемые обстоятельства. Понятно, катаясь вниз головой на моноцикле, трудно играть на скрипке, как Ойстрах, но какие-то связанные созвучия все-таки извлечь можно.

Пожалуй, в первом действии спектакля Питера Брука недостает мюзик-холльности. Наташа Парри, которая играет Винни, и Франсуа Берте, который занят в роли Вилли, безупречно органичны и несколько монотонны. Они доказывают свою способность существовать на сцене по правде жизни в самых невероятных предлагаемых обстоятельствах. Но смею полагать, что для точного выражения замысла драматурга не хватает юмора. Или иронии, на худой конец. А может быть, тех опереточных «брызг шампанского», которые наличествуют в любой жизни и о которых Винни будет вспоминать в предфинальные мгновения спектакля. Увлечение воссозданием органичности бытия убивает театральность. Авторы спектакля словно доверили самым невероятным драматургическим обстоятельствам восполнить недостающее бытие в театральные фантазии — и понапрасну в первом действии ограничили себя в свободе сценических атрибутов: Беккет всегда считывал на них.

Наверное, более искусственные критики, чем ваш покорный слуга, смогут объяснить, что подобный первый акт входил в замысел Мас-

Винни (Наташа Парри) и Вилли (Франсуа Берте).

тера, чтобы в финале второго у публики запершило в горле и на глазах навернулись слезы. Возможно, но мне не дано разгадать этой тайнописи.

К счастью, монотонность первого действия не повлияла на сакральную позицию второго. Брук разгадал поэтическую природу драмы Беккета не в переносно-театральном смысле этого слова, а в самом прямом — во взаимоотношениях с текстом. Когда-то прекрасная английская актриса Билли Уайтлоу подготовила программу, составленную из драматургических фрагментов Беккета, которые она читала, как стихи. Брук и Парри не доходят до подобной выразительности, но именно темпо-ритмическое качество текста Беккета становится главным выразительным свойством актерской игры. Брук не демонстрирует и свою осведомленность в том, что ирландские корни Беккета связывают его — через Йетса прежде всего — с ритуалом и масочностью японского Но, но в том, как величаво лицо Винни превращается в маску, обнаруживает себя тайная связь мировых театральных систем. Опереточная мелодия и сакральность интонаций Но соединяются в мелодике речи Винни — и Наташа Парри побеждает публику.

Человеческая жизнь оказывается могущественной и трогательной, бессмысленной и исполненной смысла одновременно. Не только перед мгновенностью смерти. Но и перед бесконечностью длящегося бытия. Сколь бы трагичным или комичным оно ни казалось.

Велико милосердие. Кого?.. Зачем?..

Нет ответа.

Алена КАРАСЬ, «Эхо Москвы»

Примерно с середины первого действия смотреть спектакль стало тяжело, и требовались какие-то героические усилия от зрителей, чтобы сосредоточиться на том, что играла актриса, потому что фоном шла дикая музыка, идущая откуда-то из ресторана, расположившегося за стеной или ниже этажом. Если Художественным театром коммерция завладела настолько, что даже приезд Брука и фактически моноспектакль Наташи Парри не остановил их, трудно о чем-то говорить.

Михаил УЛЬЯНОВ, актер, художественный руководитель Театра

имени Вахтангова (уходя в антракте)

Я ничего сказать не могу, потому что я ничего не понял. Без знания языка смотреть нельзя такие спектакли.

Борис МОРОЗОВ, режиссер, художественный руководитель Театра Армии

Потрясающие глаза у актрисы! Мы говорим, что театр — это пластика, что-то еще, а здесь Наташа Парри одними глазами сыграла богатейшую палитру мизансцен.

Леонид ХЕЙФЕЦ, режиссер

Что я могу говорить о спектакле Питера Брука? Он — патриарх. Это театр поразительного достоинства, покоя, гармонии, профессиональной неторопливости. Такой театр вызывает во мне всегда ощущение высочайшего почтения. От глаз Наташи Парри оторваться практически невозможно, особенно во второй части. Для русского сознания кажется, что нервная система первой части спектакля чересчур монотонна. А во второй части глаза актрисы полны боли, трагизма и покоя одновременно. Европейский театр демонстрирует покой и это, конечно, не совпадает с натянутыми нашими нервами.

Резо ГАБРИАДЗЕ, художник, режиссер, драматург

Я смотрю спектакль второй раз и нахожу в нем еще большие глубины, которые с первого раза даже трудно заметить. Это — великая пьеса Беккета и великая постановка Брука. А Наташа Парри — просто блистательная актриса.

Ольга ГАЛАХОВА, театральный критик, главный редактор газеты «Дом Актера»

Наташа Тенякова и Сергей Юрский в спектакле «Стулья» мне понравились больше. Во всяком случае, не меньше.

Клод КРУАЙ, директор Французского культурного центра в Москве

Думаю, что сегодняшний спектакль — из высокой классики. Просто потому, что Беккет написал огромный, прекрасный текст, но для актера очень сложный, потому что нет никакого действия. Но я думаю, что с этой задачей блестяще справилась Наташа Парри. И я очень рад, что Брук живет и работает во Франции, мне это очень нравится. Хотя я не считаю, что это наше достоинство или что это говорит о нашем качестве, — просто нам повезло.